

ТРУДНАЯ БОРЬБА С МЕТАФИЗИКОЙ

Филатов Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, независимый исследователь;
e-mail: toptiptop@list.ru

Прослеживается кризисная интеллектуальная и политическая ситуация, в которой работал Венский кружок. Показывается, что борьба с метафизикой была общей задачей его участников. Рассматриваются формы и методы критики метафизики. Оценивается роль неокантианства в формировании логического эмпиризма. Анализируются истоки глубокого раскола в немецкоязычной, а затем и в западной философии в целом.

Ключевые слова: Венский кружок, философия жизни, критика метафизики, аналитическая философия

THE DIFFICULT STRUGGLE WITH METAPHYSICS

Vladimir P. Filatov – Dsc in Philosophy, Professor, Independent Researcher;
e-mail: toptiptop@list.ru

The article traces the crisis of intellectual and political situation in which the Vienna Circle operated. It is shown that the struggle against metaphysics was a common task of its participants. Forms and methods of metaphysical criticism are considered. The role of neo-Kantianism in the formation of logical empiricism is evaluated. The origins of the profound rift in German-speaking, and then Western philosophy as a whole, are analyzed.

Keywords: Vienna Circle, philosophy of life, criticism of metaphysics, analytical philosophy

Традиционно логический эмпиризм Венского кружка описывается как важный, но ушедший в прошлое этап развития философии науки и как один из истоков аналитической философии. В своей статье Н.И. Кузнецова предлагает более яркую и многомерную картину, учитывающую драматический социальный контекст, в котором рождались идеи участников Венского кружка. Это позволяет понять, что отстаивание научного миропонимания и критика метафизики не были для них лишь академическими упражнениями, но выражали их жизненную позицию. В 1928 г. они создали Общество Эрнста Маха, которое должно на широком общественном форуме распространять научное миропонимание, пропагандировать свободную от метафизики науку и даже создавать «идейное оружие современного эмпиризма, которое также необходимо для организации общественной и частной жизни» [Карнап и др., 2005, с. 16]. Здесь, конечно, чувствуется рука Нейрата, который считал, что программа продвижения свободной от метафизики «единой науки» должна служить задаче реорганизации общества на рациональной основе в социалистическом направлении. Но и другие участники Венского кружка, не разделявшие

социалистических идей Нейрата, были едины в том, что нужно отстаивать идеалы науки против метафизики и всевозможных форм псевдонауки в той идейной ситуации, которая возникла после поражений Германии и Австрии в войне.

Противоречивый и кризисный контекст

В добавление к тому, что об этой ситуации пишет Наталия Ивановна, можно привести такую ее оценку в ставшей классической работе П. Формана о формировании квантовой механики во враждебной интеллектуальной среде: «...после поражения Германии доминирующей интеллектуальной тенденцией в академическом мире Веймарской республики была неоромантическая, экзистенциалистская “философия жизни”, упивающаяся кризисами и отличающаяся антагонизмом по отношению к аналитической рациональности вообще и к точным наукам и их техническим приложениям в частности. Явно или неявно, ученый представлял здесь мальчиком для битья постоянными призывами к духовному обновлению» [Forman, 1971, p. 4]. Парадоксально, ведь это был один из самых творческих периодов в физике и математике за всю их многовековую историю. Только что Эйнштейн разработал общую теорию относительности, Гейзенберг и Шредингер создавали квантовую механику, во главе с Гильбертом процветала немецкая математика. Но в это же время и с университетских кафедр, и со страниц многочисленных статей и книг шла критика научной рациональности и логико-математических инструментов как неотделимых от механицизма-детерминизма-позитивизма. Им противопоставлялись целостность жизненного опыта, интуиция, непосредственное постижение сущности и т.п.

В Австрии благодаря влиянию Brentano и Маха и их последователей, которые отстаивали идеалы точной и ясной философии, идеи философия жизни были менее влиятельны, чем в Германии. Тем не менее весьма популярны были антропософия Р. Штайнера, различные псевдонаучные феномены, вроде теории космического льда Г. Хёрбигера. В 1919 г. профессором социальных наук Венского университета стал Отмар Шпанн, теоретик идеального корпоративного государства и «философии целостности», в которой метафизика духа противопоставлялась расчленяющему математическому естествознанию. Позднее Шпанн ездил с лекциями в Италию, где он видел зримое воплощение своих идей о тоталитарном корпоративном государстве. Под его влияние попали многие студенты, в том числе О. Моргенштерн, который потом сотрудничал с кружком математика К. Менгера, дружил с К. Геделем, а уже в США создал вместе с Дж. фон Нейманом теорию экономических игр [Зигмунд, 2021,

с. 335]. Так что у лидеров Венского кружка были все основания заявить в первой фразе своего манифеста, что «метафизическое и теологизирующее мышление сегодня вновь усиливается, не только в жизни, но и в науке».

Стоит также отметить, что после распада обширной Австро-Венгерской империи в небольшой «Германской Австрии» был подъем различных националистических и пангерманских организаций и идеологий, в том числе антисемитских. Нередко считается, что Венский кружок непосредственно вписан в Венский университет, что профессора и преподаватели после дискуссий по четвергам из его аудитории шли продолжать разговор в венскую кофейню. Действительно, Шлик занимал кафедру, Карнап имел преподавательскую позицию, но Нейрат, Кауфман, Вайсман, Фейгл ее не имели, как не было у них и реальных перспектив ее получение. Можно добавить сюда и школьного учителя Поппера; даже Витгенштейн вряд ли имел бы хорошие шансы стать профессором Венского университета, если бы выбрал эту цель, а не решение стать «толстовским» учителем в глухой австрийской деревне. В университете и до войны, и после негласное предпочтение отдавалось по национальному признаку. Члены кружка предпочитали не затрагивать этот вопрос, но они были не одиноки. Параллельно Венскому кружку с 1920 по 1932 г. работал Венский семинар по методологии социальных наук Людвиг Мизеса, выдающегося экономиста¹. Самый известный участник этого кружка, нобелевский лауреат по экономике Фридрих Хайек отмечал,

¹ Тут есть любопытные пересечения. Л. Мизес был братом математика Рихарда Мизеса, близкого к Венскому кружку, но у них были натянутые отношения; студенты Мизес и Нейрат вместе изучали экономику на семинаре знаменитого экономиста Ойгена Бем-Баверка, в своей известной книге «Социализм» (1922) Мизес подверг жесткой критике книгу Нейрата «От военной экономики к натуральной экономике» (1919), что вызвало потом длительные дискуссии о возможности экономического расчета в социалистической экономике. Хайек был дальним родственником Витгенштейна, встречался с ним, но без последствий; с Поппером его связывала дружба и постоянная переписка, он содействовал его переезду из Новой Зеландии в Лондонскую школу экономики, где работал сам. Ф. Кауфман интересен как интеллектуальный посредник, он входил сразу в три кружка. В кружке своего учителя, известного правоведа Г. Кельзена, он содействовал применению феноменологии Гуссерля к «чистому учению о праве». В Венском кружке он не входил в число основных фигур, но активно участвовал в дискуссиях, по воспоминаниям, терпеливому и тактичному Шлику иногда приходилось прерывать его выступления. В кружке Мизеса он рассказывал коллегам об идеях логического эмпиризма, он увлек получившего экономическое образование А. Шюца феноменологией, организовал его встречу с Гуссерлем, что в итоге помогло Шюцу стать основателем феноменологической социологии. Сам же Кауфман выпустил книгу «Методология социальных наук» (1936), в которой реконструировал логическую структуру научных теорий права и экономики, соединив подходы логического позитивизма и феноменологии.

что из-за этой негласной дискриминации Мизес так и не стал полным профессором университета. Остальным же членам кружка приходилось совмещать научные занятия с деятельностью в других сферах: «Разнообразие занятий людей моего поколения, прежде чем все они стали профессорами американских университетов, еще поразительней. Феликс Кауфман, философ, теоретик права, логик и математик, возглавлял Венское отделение нефтяной компании. Альфред Шюц, социолог, был секретарем ассоциации малых банков. Фриц Махлуп, позднее преподавал в университетах Буффало и Принстона, был производителем картона... При нормальном ходе событий ни один из них никогда бы не стал профессором университета, да большинство до эмиграции не имело даже опыта преподавания» [Хайек, 2009, с. 42]. Такого же успеха добились в эмиграции участники кружков Шлика и Рейхенбаха, но Шлик погиб от пули антисемита, а Мизес прожил долгую жизнь и подготовил в американском университете много учеников.

Против философии жизни

Если перейти от контекста к собственно философским противостояниям, то можно отметить, что одним из первых зафиксировал раскол в послевоенной немецкоязычной философии глава Франфуртской школы неомарксизма М. Хоркхаймер в своей статье «Последняя атака на метафизику» (1937), в английском переводе [Horkheimer, 1972]. В ней он описывает противостояние между сциентистскими настроенными представителями логического позитивизма и антисциентистскими сторонниками метафизики – представителями различных направлений «философии жизни». Картина Хоркхаймера несколько карикатурна, в рамках классового подхода он изображает логических позитивистов представителями среднего класса, не способными выработать подлинно критическую теорию. Но в целом он прав, в первые послевоенные годы раскол шел по этой линии. Можно привести ряд примеров этому.

Философию жизни (Lebensphilosophie) как новый тип философии представил в 1913 г. М. Шелер в статье «Подходы к философии жизни», где главными ее предшественниками названы Ницше, Бергсон и Дильтей. Объединив под этим расплывчатым термином довольно разнородных мыслителей, Шелер очертил метафизическую концепцию жизни и основной способ познания в этой области – интуицию как непосредственный доступ к переживаемому опыту, дающую то, что недоступно обычному научному познанию. Еще до возникновения Венского кружка его будущие члены критиковали такой тип философии. Так, в том же 1913 г. Шлик опубликовал статью

«Существует ли интуитивное познание?», в которой доказывал, разбирая идеи Бергсона, что интуиция не является формой познания и не дает знания как такового. «Нельзя вынести более строго приговора метафизике как науке, чем утверждая, что ее метод заключается в интуиции. Интуиция и наука, переживание и познание суть противоположности» [Шлик, 2010, с. 108]. Позднее в этом же духе Шлик критиковал и концепцию Шелера об интуиции и феноменологическом «опыте» как источнике «материального *argiōi*».

До войны споры вокруг философии жизни носили академический характер. Но после войны, в ситуации кризиса, они выплеснулись в публичное пространство. Толчком к этому стал выход в 1918 г. первого тома книги О. Шпенглера «Закат Европы». Она быстро стала бестселлером: «За первые пять лет вышло тридцать тиражей, к 1926 г. в доработанном виде было издано еще столько же, в общем было издано около 100 тыс. экземпляров...» [Forman, 1971, p. 30]. Для сравнения: «Логико-философский трактат» Витгенштейна вышел на немецком языке в 1921 г. в последнем номере прекратившего существование журнала физика В. Оствальда «Анналы натурфилософии» и оставался практически непрочитанным. Вокруг трактата Шпенглера развернулась большая дискуссия, возник целый «спор о Шпенглере», в котором участвовали историки, философы и даже физики. Одни видели в его опусе глубокие прозрения, другие – сомнительную метафизику истории и «вульгарную философию жизни». Г. Риккерт в своей «Философии жизни» (1920) назвал эту работу «модой нашего времени».

Первым критику Шпенглера начал Нейрат, позднее к нему присоединились Шлик, Крафт, Кауфман [Reimer, 2023]. Нейрат написал достаточно объемный памфлет «Анти-Шпенглер» (опубликован в 1921 г.), когда ждал в тюрьме суда за свое участие в руководстве Баварской советской республики во время ее краткого существования в 1919 г. В нем он критикует то, как Шпенглер индивидуализирует культуры и их периоды, как соотносит конкретные исторические явления с главными символами культур, как влияет его фатализм «судьбы» на описание истории. Но главное, по Нейрату, не в обилии фактических ошибок и чрезмерных обобщений у Шпенглера, а его способ аргументации как таковой. Нейрат называет его «псевдорационализмом», поскольку Шпенглер представляет свою работу как теоретическую, а на деле она является нечистой смесью поэзии, пророчеств и теории. Это также позволяет Шпенглеру ускользать от критики, поскольку он отдает приоритет тому, что он называет «морфологией», перед логикой. Поэтому указание на логические ошибки может парироваться доводом, что предмет нужно понимать морфологически, а не логически. Наконец, псевдорационализм Шпенглера возникает из притязаний на универсальное знание, поскольку он пытается дать всеохватывающую картину, объясняющую всю

историю человеческой культуры, а также предсказать падение западной цивилизации. Реальное знание так не строится, нельзя одним махом, с чистого листа создать универсальную теорию. Любопытно, что в этой связи у Нейрата здесь впервые приводится его знаменитая метафора лодки: ученые подобны морякам, которые вынуждены перестраивать свое судно в открытом море, не имея возможности разобрать его и потом воссоздать из новых частей.

Карнап и критика метафизики

Ранняя критика метафизики членами Венского кружка заключалась прежде всего в том, что сторонники метафизики нарушают основные методы науки и апеллируют к сомнительным источникам знания. В результате коллективных дискуссий с середины 1920-х гг. в кружке были выработаны более мощные средства анализа и критики метафизики. Это ясная формулировка проблемы демаркации науки, метафизики и псевдонауки; принятие критерия эмпирической верификации; четкое различие аналитического и синтетического, априорного и апостериорного; прояснение статуса математики и теоретического знания в рамках эмпиризма; разработка способов логического анализа языка. Прежде чем показать, как эти средства пошли в дело, я хочу высказать одно замечание.

В своей статье Наталия Ивановна пишет, что Венский кружок «открыто порвал с философской континентальной традицией», что его участники «признавали только одно направление европейской философии – позитивизм». На мой взгляд, оба эти утверждения далеки от реальности, и можно показать это на примере самого крупного представителя кружка – Рудольфа Карнапа. Но сначала несколько общих соображений. В Манифесте кружка, где много разных имен, признание позитивизму декларируется путано и скупно: «Позитивизм и эмпиризм: Юм, Просвещение, Конт, Милль, Рич, Авенариус, Мах». Конт выдумал слово «позитивизм» для обозначения всего хорошего и научного, но в немецкоязычной философии, где было мощное влияние Канта и столпов немецкого идеализма, этим словом чаще называлось что-то плоское и плохое. Недаром члены кружка предпочитали название «логический эмпиризм» и практически ничего не использовали из названных философов. Да и с предшествующим эмпиризмом в Германии дела обстояли неважно в отличие от Англии, где была длинная и ясная традиция от Бэкона до Рассела. В Германии перед войной все философские кафедры были заполнены неокантианцами. Поэтому лидеры Венского кружка Шлик и Карнап и их берлинские коллеги Рейхенбах и Гемпель, если воспользоваться метафорой Нейрата, выплыли в философское море

не в позитивистской, а в неокантианской лодке, по частям перестраивая ее с помощью новой логики и подсказок физиков и математиков.

Карнапу повезло, что его учителем в провинциальном университете Йены был Г. Фреге. Обычно на этом останавливаются, но важно, что его наставником по философии был неокантианец, ученик Риккерта, Бруно Баух (позднее ставший одним из официальных национал-социалистических философов). Карнап вспоминал, что под его руководством целый год изучал «Критику чистого разума». Современные историки философии копнули глубже и обнаружили, что более молодым преподавателем Карнапа, с которым он сдружился, был Герман Ноль, ученик Дильтея, развивавший его взгляды в сторону философии педагогики и писавший также о Ницше [Gabriel, 2004]. Не вполне ясно, изучал ли Карнап работы Дильтея или знал о его идеях из общения с Нолем, но Дильтей и Ницше упоминаются в его текстах, в том числе в позитивном плане в «Преодолении метафизики». Некоторые авторы даже считают, что выражение „Überwindung der Metaphysik“ заимствовано Карнапом из лексикона Ницше, а название его главной работы этого периода «Логическое построение мира» (1928) перекликается с названием работы Дильтея «Построение исторического мира в науках о духе» (1910).

Но, конечно, главным было неокантианское влияние. Его детально проследил известный философ науки М. Фридман в книгах «Переосмысление логического позитивизма» [Friedman, 1999] и «Расхождение путей. Карнап, Кассирер и Хайдеггер» [Friedman, 2000]. В первой показано, что Шлик, Карнап и ряд других представителей неопозитивизма в период формирования своих взглядов многое восприняли из неокантианства и «Логических исследований» Гуссерля. Карнап, получивший хорошую подготовку в математике и физике, больше тяготел не к фрайбургской, а марбургской школе неокантианства. Во второй Фридман обсуждает, как произошел раскол между основными направлениями немецкоязычной философии, которые вначале в своих основаниях имели много общего.

Расстановка главных фигур на философской сцене в конце 1920-х гг. была такова. Неокантианство уступало свои позиции, ушли из жизни Коген, Виндельбанд и Наторп, Риккерт был уже в преклонном возрасте. В расцвете сил был Кассирер, у которого в 1929 г. вышел последний том монументальной «Философии символических форм» и который позиционировался как главный представитель рациональной философии в Германии. В феноменологии постаревшего Гуссерля начали затмевать сначала Шелер, соединивший философию жизни с феноменологией, а затем, после неожиданной смерти Шелера и выхода в 1927 г. «Бытия и времени», – Хайдеггер. Шлик как лидер приобретавшего международную репутацию Венского кружка был известен своими работами по научной философии.

В так сложившейся констелляции произошло событие, которое привело к глубокому расколу в немецкой философии, а затем и расхождению путей аналитической и континентальной философии. Речь идет о публичных дебатах между Кассирером и Хайдеггером в рамках Давосской школы весной 1929 г. Об этих дебатах существует большая литература, их общей темой был вопрос «Что такое человек?», прежде всего в рамках кантианских идей. Обычно считается, что Хайдеггер победил в этих дискуссиях, предложив метафизическую трактовку проекта Канта как радикального осмысления человеческой конечности. Кассирер трактовал человека как символическое существо, сохраняя кантовскую идею о сознании как спонтанной способности создавать мир опыта. П. Гордон в работе с характерным названием «Континентальный раскол» [Gordon, 2010] показывает, что, несмотря на сходную основу (Хайдеггер был учеником кантианца Риккерта), эти два знаменитых философа отстаивали противоположные интерпретации философии Канта. При этом Хайдеггер подчеркивал несоизмеримость своей трактовки и подхода Кассирера.

Но это только начало раскола. Дело в том, что диспут между Кассирером и Хайдеггером проходил в присутствии слушателей, среди которых были будущие известные философы, в частности Э. Левинас, О. Финк и др. Был там и Карнап, который, учитывая описанную выше его кантианскую подготовку, вполне ориентировался в проблематике дискуссии. М. Фридман нашел материалы, которые свидетельствуют, что в Давосе у Карнапа с Хайдеггером были совместные прогулки и приватные обсуждения. А им было что обсуждать, поскольку у них были за плечами схожие проекты. «Карнап начал свою философскую карьеру с попытки реализовать философские цели Марбургской школы неокантианства, используя новую математическую логику, созданную Фреге, а Хайдеггер начинал свою карьеру с попытки разрешить ряд нерешенных проблем Юго-Западной школы неокантианства с использованием нового феноменологического метода Гуссерля» [Friedman, 2000, p. 149]. Однако пути их разошлись, и Карнап увидел в содержании и стиле философствования Хайдеггера неприемлемую для него метафизику.

Вернувшись в Вену, Карнап серьезно изучал «Бытие и время», совместно с Г. Гомперцем и К. Бюлером обсуждал эту работу и даже удивлял коллег по кружку умением интерпретировать ее идеи. Уже в 1930 г. он написал первую версию статьи «Преодоление метафизики логическим анализом языка», в которой основной образец метафизических псевдопредложений взят из лекции Хайдеггера «Что такое метафизика». Карнап хотел шире распространить свои идеи, и до публикации окончательного варианта статьи в 1932 г. в журнале «Познание» он прочел на ее основе лекции в Варшаве, Цюрихе, Праге, Берлине и Брно. Все это имело большой резонанс, хотя необратимому расколу способствовали и манифест Венского кружка,

и программная статья Шлика «Поворот в философии», и даже хлесткие оценки Нейрата метафизиков во главе с Хайдеггером как врагов пролетариата. Скорее всего, это противостояние стало бы нарастать, но оно прервалось по внешним причинам. Приход к власти Гитлера вызвал эмиграцию и логических позитивистов, и Кассирера, в результате Хайдеггер остался главной фигурой, от которой континентальная философия обычно ведет свой отсчет. Хайдеггер ответил Карнапу, правда, косвенно, заявив в своих лекциях 1935 г., что приветствует исход позитивистов из Германии и Австрии, поскольку они связаны с такими негативными модернистскими явлениями, как русский коммунизм, американизм и техническое опустошение природного мира.

* * *

Отдаленным последствием этого раскола является то, что сейчас мы привычно говорим о различии между аналитическим и континентальными стилями философствования. Но как возникло это не очень логичное различие, в котором методологический в широком смысле термин противопоставляется географическому? У философов Венского кружка и их коллег термин «аналитическая философия» не употреблялся, хотя они много говорили о роли логического и концептуального анализа. Этот термин ввел в оборот молодой американский философ Э. Нагель, опубликовавший в 1936 г. две статьи «Впечатления и оценки аналитической философии в Европе» после длительного путешествия по европейским философским центрам. Особенно его впечатлил Венский кружок, позднее он сам стал классиком логического эмпиризма. В широкий оборот это название вошло в 1950-е гг., когда участник Венского кружка Г. Фейгл и У. Селларс подготовили популярную антологию “Readings in Philosophical Analysis”, а ученик Э. Нагеля А. Пап написал учебник «Основы аналитической философии» [Frost-Arnold, 2017].

Термин «континентальная философия» более стар, его использовал Дж.С. Милль, противопоставлявший английских эмпириков XVIII в. «континентальным философам», в основном последователям Канта. Но в обиход он также вошел во второй половине прошлого века. Этим зонтичным термином стали называть в американских и английских университетах курсы по феноменологии и герменевтике, структурализму и постструктурализму, в которых основными фигурами являются Гуссерль и Хайдеггер, Сартр и Мерло-Понти, Гадамер и Рикёр, Фуко и Даррида. Но время идет, и в 2000 г. была издана антология «Американская континентальная философия», редакторы которой сами признаются, что это название звучит как оксюморон. Но фактом является то, под этой обложкой собраны тексты американских философов (самый известный из которых Р. Рорти),

работающих в стиле феноменологии и герменевтики, деконструкции, критической теории и феминизма. Обратным и даже более заметным процессом является возвращение аналитической философии в ее исходный дом в континентальной Европе. Вполне вероятно, что эти процессы обернут вспять то «расхождение путей», которое началось столетие назад.

Список литературы

- Зигмунд, 2021 – *Зигмунд К.* Точное мышление в безумные времена. Венский кружок и крестовый поход за основаниями науки. М.: CORPUS, 2021. 528 с.
- Карнап и др., 2005 – *Карнап Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание Венский кружок // *Логос*. 2005. № 2 (47). С. 13–26.
- Хайек, 2009 – *Хайек Ф.* Судьбы либерализма в XX веке. М.; Челябинск: Социум, 2009. 338 с.
- Шлик, 2010 – *Шлик М.* Существует ли интуитивное познание? // *Логос*. 2010. № 6 (79). С. 97–108.

References

- Carnap, R., Han, H., Neurath, O. “Nauchnoe miroponimanie – Venskii kruzhok” [Wissenschaftliche Weltauffassung Der Wiener Kreis], trans. by Ya. Shramko, *Logos*, 2005, no. 2 (47), pp. 13–27. (Trans. into Russian)
- Forman, 1971 – Forman, P. “Weimar Culture, Causality, and Quantum Theory, 1918–1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment”, *Historical Studies in the Physical Sciences*, 1971, vol. 3 (1971), pp. 1–115.
- Friedman, 1999 – Friedman, M. *Reconsidering Logical Positivism*. Cambridge University Press, 1999, 252 pp.
- Friedman, 2000 – Friedman, M. *Parting of the Ways. Carnap, Cassirer, and Heidegger*. Chicago: Open Court, 2000, 175 pp.
- Frost-Arnold, 2017 – Frost-Arnold, G. “The Rise of ‘Analytic Philosophy’: When and How Did People Begin Calling Themselves ‘Analytic Philosophers?’”, in: S. Lapointe, C. Pincock (eds). *Innovations in the History of Analytical Philosophy*. London: Palgrave Macmillan, 2017, pp. 27–67.
- Gabriel, 2004 – Gabriel, G. “Introduction: Carnap Brought Home”, in: *Carnap Brought Home: The View from Jena*. Chicago: Open Court, 2004, pp. 3–20.
- Gordon, 2010 – Gordon, P.E. *Continental Divide: Heidegger, Cassirer, Davos*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010.
- Hayek, F. *Sud’by liberalizma v XX veke* [The Fate of Liberalism in the XX Century]. Moscow, Chelyabinsk: Socium, 2009. (Trans. into Russian)
- Horkheimer, 1972 – Horkheimer, M. “The Latest Attack on Metaphysics”, in: Horkheimer M. *Critical Theory: Selected Essays*. New York, 1972, pp. 132–187.

Reimer, 2023 – Reimer, R. “The Vienna Circle and its Critical Reception of Oswald Spengler”, *The Philosophical Journal of Conflict and Violence*, vol. VII, 2023, Issue 1, pp. 15–43.

Shlik, 2010 – Shlick, M. “Sushchestvuet li intuitivnoe poznanie?” [Gibt es intuitive Erkenntnis?], *Logos*, 2010, no. 6 (79), pp. 97–108. (Trans. into Russian)

Sigmund, K. *Tochnoe myshlenie v bezumnye vremena. Venskiy kruzhok i krestovyy pohod za osnovaniyami nauki* [Exact Thinking in Demented Times. The Vienna Circle and the Epic Quest for the Foundations of Science]. Moscow: CORPUS, 2021. 528 pp. (Trans. into Russian)